

«ОТАРОВА ВДОВА»

Сын крестьянской вдовы полюбил княжну, поступил к ней в батраки, упал со стола и разбился насмерть. Одной этой фразой исчерпывается сюжет маленькой повести Ильи Чавчавадзе «Отарова вдова». Казалось бы, что может в ней привлечь современного читателя? Однако уже много десятилетий грузины со школьной скамьи знают и любят эту повесть. Многие ее строки, фразы, афоризмы стали пословицами, имена героев — нарицательными. Повесть народна. Это тонко ощутили и полноценно передали мастера грузинского кино.

Фильм не длинен и весьма скромнен по своим масштабам. Всего четверо основных действующих лиц да несколько эпизодических персонажей: деревня, княжеское имение, несколько сцен на улицах старого Тбилиси. И вместе с тем фильм монументален. Человеческие характеры, изображенные в нем, возвышенны и монолитны, конфликты непримиримы, страсти всеобъемлющи и неугасимы. Это маленькая трагедия.

Кинодраматург А. Белиашвили и режиссер М. Чиаурели не пытались модернизировать повесть. Они устояли перед соблазном обострить взаимоотношения между помещиками и крестьянами, сильнее прочертить мотивы классовой розни, хотя возможности к этому повесть давала. Сохранив характерные для идеологии Чавчавадзе просветительские и народнические мотивы, сохранив высказываемые устами князя Арчила надежды на примирение и сотрудничество сословий, авторы фильма, следуя реалистическому повествованию Чавчавадзе, показали всю несбыточность этих надежд, всю глубину пропасти между трудящимся крестьянством и помещиками — пусть просвещенными, либерально-гуманными. Хотя и здоровается князь Арчил с крестьянами за руку, хотя и называют они с сестрой Отарову вдову своей «крестной», но ни полюбить, ни понять крестьянского юношу Георгия они не могут, не могут и восстановить разрушенный старинный мост между деревней и княжеским имением.

Советские кинематографисты не стали опровергать или подчищать ошибочные положения Чавчавадзе в фильме, не посягнули на «исправление» идей классического произведения. Они устремили свои усилия на воссоздание сильных, реалистических сторон повести: веры в мудрость и справедливость народа, прославление труда, восторга перед цельными и чистыми чувствами трудового люда, и правдивые картины жизни Грузии конца прошлого века расцвели на экране во всем своем национальном своеобразии, многогранной сложности.

Авторам фильма пришлось преодолевать некоторые стилистические особенности повести: ее подчеркнутую публицистичность, медлительность развития действия в первой половине, элементы дидактики — во второй. С большинством этих трудностей они справились. Можно, пожалуй, упрекнуть фильм в растянутости сцен мытарств Отаровой вдовы в суде и у губернатора, да пожалеть об исключении из фильма трогательной сюжетной линии старого мельника. Но это просчеты во второстепенном, главное же — воссоздание духа повести и ее основных человеческих характеров — авторам фильма, безусловно, удалось.

Режиссуре Михаила Чиаурели всегда была свойственна высокая изобразительная культура. И на этот раз фильм радует своей живописностью, обдуманной строгостью композиций кадров, смелыми колористическими решениями. Режиссер и операторы Д. Канделаки и Д. Фельдман идут порой на прямую перекличку с произведениями живописи: с Эдуардом Мане — в изображении сцен княжеского парка; с Домье — в сценах суда; с популярным в Грузии художником Г. Гагариным — в показе интерьеров княжеского дома. И такое использование живописного опыта дает хорошие результаты. Но еще плодотворнее прямое обращение к народному творчеству. Созданный художником Л. Мамаладзе интерьер дома Отаровой вдовы удивительно интересен. Старое, почерневшее дерево, закопченный свод очага, тусклый блеск металлической посуды — глубокие темные тона подчеркиваются ярким пятном народной вышивки, или ярко-голубым квадратом открытой двери, или белизной рубахи, выделяющей лицо актера. А рядом с этими, по-рембрандтовски темными кадрами неиссякаемым светом Грузии блистают натурные кадры: синее небо над рыжими холмами, красные цветы на ярко-зеленом фоне парка.

Великолепна и музыка С. Цинцадзе. Правда, режиссер поставил композитора в трудное положение, введя в звуковую ткань фильма и фортепианный этюд Шопена, и национальные песни и танцы, но симфоническая музыка Цинцадзе выдерживает это ответственное состязание. Она глубоко эмоциональна и мелодична. Особенно хороша тема любви Георгия, проходящая в виолончелях и кларнетах. Звукооператор В. Долидзе записал эту музыку так объемно, стереофонично, что печальный, гортанный голос кларнета порой кажется прилетевшим из далеких горных просторов, кажется голосом природы, звучащим в сердце влюбленного юноши... Для характеристики князя Арчила и его красавицы сестры, княжны Касо, композитор избирает салонные, изысканные звучания, изящные танцевальные ритмы. И эти два музыкальных строя как бы вступают в противоречие между собой, подчеркивая основной конфликт драмы — безнадежность могучей, непреодолимой любви Георгия к мягкой, не способной на сильное чувство княжне.

Мысль Чавчавадзе, что только трудящийся человек, близкий к земле и природе, способен на сильное, всепобеждающее чувство, а оторванные от народа интеллигенты при всей своей благонамеренности чувствуют холодно и неглубоко, воплощена в образах князя Арчила, его сестры Касо и сына Отаровой вдовы — Георгия.

Борис Андроникашвили хорошо показывает доброту и беспомощность князя Арчила. Князь любит свой народ, мечтает о лучшей для него доле, но ничего сделать не может, ничего изменить не смеет. И в сдержанных, осторожных движениях молодого ар-

тиста, в его мягких, виноватых интонациях, несмелой улыбке и рассеянном взоре чувствуются раз-

двоенность, слабость.

Д. Жоржоллиани не нашла такого определенного рисунка роли. Ее Касо — очаровательная молодая девушка, и все. Не до конца использовала актриса и те возможности, которые давали ей трагические сцены гибели и похорон Георгия.

Молодой богатырь, немного угрюмый, молчаливый, застенчивый, смело глядящий в глаза врагу, спокойно говорящий всем только правду, но немеющий и каменеющий в присутствии княжны, — таков Георгий в исполнении Георгия Шенгелая. Актёр прекрасно двигается: одной рукой ухватив за холку коня, он легко взлетает в седло, бесстрашно повисает на уздцах рыска, плывающего в быстром горном потоке. Порой начинает казаться, что артист несколько однообразен, но потом понимаешь, что его роль почти лишена слов и свои чувства артист вынужден выражать через внешнее, часто бурное действие, но чувства эти искренни и глубоки. Особенно отчетливо убеждаешься в этом, когда Георгий Шенгелая мечтательно поднимает глаза, прислушиваясь, как играет Касо на рояле. В этих глазах — настоящее, глубокое чувство, освещающее и согревающее этот привлекательный образ.

И, наконец, о главной победе, о наивысшем достижении фильма — об образе Отаровой вдовы в исполнении Верико Анджапаридзе.

Мы помним целую галерею трагедийных образов, созданных этой великолепной актрисой во многих кинофильмах. Мы помним, с каким поразительным мастерством она играла албанскую женщину XV века или немецкую мать, отдавшую сына фашизму. Но лучшее, что создано Анджапаридзе, — это образы женщин Грузии, будь то бедная работница в фильме «Саба» или владетельная государыня в «Георгий Саакадзе». В «Отаровой вдове» актриса воссоздает глубоко народный и поистине трагический образ.

Краски актрисы разнообразны. Громко понося и даже пиная нищего старика, Отарова вдова кормит его, поит вином и выменивает для него обувь. Голос женщины пронзителен, интонации визгливы, брови нахмурены, а в глазах сверкают веселые, озорные огоньки. В сценах у губернатора и в суде — ни минуты робости, ни тени унижения нет в этой прямой и упрямой женщине, одетой в черное, глядящей гневно и дерзко. А сколько сурового достоинства в разговоре с князем, сколько бесконечной нежности в сердечной беседе с сыном!

Зная силу актрисы, режиссер порой ставит перед ней очень сложные и очень неблагоприятные задачи, например чтение монолога, что в кино всегда выходит неестественно, нарочито. Но и здесь актриса так погружена в переживания и мысли своей героини, что монологи кажутся простым и естественным ходом размышлений.

Общечеловеческая трагедия матери, потерявшей своего сына, сыграна Верико Анджапаридзе с замечательной социальной и национальной конкретностью. Это крестьянская мать, глубоко проникающая в тайны жизни и смерти, гордая своим трудом, независимая и цельная в своих чувствах. Это грузинская мать, нежная и великодушная, умеющая подавлять в себе бушующий темперамент, сжигающую сердце страсть.

О людях суровых и великодушных, о событиях простых, но поучительных, о времени далеком, но о чувствах не умирающих рассказывает фильм «Отарова вдова» — произведение высокого мастерства и несомненного таланта.

Р. ЮРЕНЕВ.

29.11.58.
Советская Грузия